

Л. М. Ульмезова

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория аспектуальности — это совокупность таких перифрастических и аналитических глагольных форм, которые имеют видовые (аспектные) и акционсартовые значения. Не подвергается сомнению, что эти значения являются генетически родственными [1, с. 305–444, 547–570; 2, с. 3–11].

Акционсартовые значения («способы действия», «характер протекания действия») — это такие языковые значения, в которых отражены какие-либо объективно присущие действиям качественные или количественные характеристики (быстрота протекания, внезапность, протяжённость, кратность, прерывистость и т. п.) [3, с. 132]. По мнению Ю. С. Маслова, «способы действия не представляют собою грамматических категорий, не образуют чётких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами» [4, с. 10]. Материал тюркских языков не оставляет сомнений в словоизменительной природе акционсартовых форм [5, с. 76–77].

Под видами (аспектами), точнее видовыми значениями, принято понимать: различные наличествующие в языке в известном смысле субъективные «способы представления протекания действия» [1, с. 549]; закрепленные за теми или иными глагольными формами типовые образы, в которых носители данного языка имеют возможность представлять действие при порождении высказывания [4, с. 7–32; 5, с. 76–77].

Категория вида в разных языках характеризуется многообразием не только внешних форм своего выражения, но (что особенно важно) и значительным многообразием внутреннего содержания [1, с. 24]. Как справедливо писал Б. А. Серебrenников, «сложность проблемы определения грамматического вида заключается прежде всего в том, что, в отличие от категории времени, эта категория имеет несколько оснований, далеко не одинаковых по своей природе и сущности... категория глагольного вида опирается на известную сумму характеристик действия, из которых каждая требует специального изучения» [6, с. 21].

Осмысление видовой семантики в русском языкознании отталкивается от разделяемой Ю. С. Масловым и рядом других теоретиков формулировки А. М. Пешковского, считавшего, что глагольный вид указывает на то, «как протекает во времени или как распределяется по времени называемое глаголом действие» [7, с. 105; 8, р. 3]. В тюркском языкознании наиболее основательно номенклатура видовых значений была разработана на турецком материале шведским исследователем Ларсом Юхансоном. В частности, в формах турецкого перфекта (с морфемами *-mİſtİr* и *-mİſlArdİr* в 3-м лице) и плюсквамперфекта *-(mİſtİ)* он совершенно оправданно выявил сему посттерминального (послепредельного) вида, который сигнализирует о совершенности действия, представляет действие как целостное свершившееся событие, наблюдаемое после достижения им конечного предела; по своему содержанию эта видовая семантика если не тождественна, то весьма близка русскому совершенному виду. А в турецких времен-

ных формах *-(I)yordu*, *-mAktAydl*, *-(A)rdI* этот исследователь установил интратерминальное (внутрипредельное) видовое значение, которое представляет действие в процессе его осуществления, полностью игнорируя его пределы (границы). Прегнантный вид, по Л. Юхансону, представляет действие в его максимальной насыщенности, т. е. сигнализирует о реальном осуществлении действия в точке наблюдения [9, s. 100–101, 134, 136–137, 283; 10, с. 68–81].

Категория аспектуальности тесно связана с категорией времени, и, как показывает опыт исследований, прежде всего в области индоевропеистики, в некоторых случаях видовое значение является более древним, диахронически предшествующим временному значению [11, с. 88]. Иными словами, «временные оппозиции в системе индоевропейского глагола возникли относительно поздно, во всяком случае, позднее оппозиций видовых» [12, с. 79]. Подобная закономерность отчётливо прослеживается и на материале тюркских языков. Временные формы глагола, наряду с темпоральными, способны содержать и аспектуальные семы. В свою очередь в сфере аспектуальных значений различают видовые и акционсартовые значения.

В тюркских языках ведущим и весьма продуктивным способом выражения аспектуальных значений являются сложновербальные конструкции, образованные сочетанием деепричастия «смыслового глагола с различными формами глагола-модификатора» [13, с. 369]. Такие конструкции отмечаются во всех тюркских языках, однако широта их распространения неодинакова для разных групп. Они более характерны для кыпчакских языков, к которым относится и карачаево-балкарский язык, и менее продуктивны в языках огузской группы [13, с. 369].

«Аналитическими» тюркологическая традиция именуется сложновербальные формы, которые чаще всего имеют структуру: деепричастие смыслового глагола + глагол-модификатор, например карачаево-балкарская словоформа в высказывании: *Нек жил+ап тураса?* «Что ты всё плачешь?».

«Перифрастическими» называют конструкции, состоящие из основ глагольных имён смысловых глаголов и одного из глаголов со значением «быть, находиться» (карачаево-балкарский глагол *болургъа*).

Как показывает опыт пока еще молодой тюркской аспектологии, аспектуальные значения или только семы обнаруживаются у ряда сложновербальных конструкций, а также в составе сложных значений глагольных темпоральных форм.

Состав категории аспектуальности в карачаево-балкарском языке

«Перифрастические» формы

Форма -ГъАн бол. «Перифрастическая» форма с модальным предположительным значением («наверное, по всей вероятности»), характеризующая прошедшее действие: *Бизде да къар жау+гъан бол+ур* (информант) «*Наверное*, у нас тоже *выпал* снег».

Ол алкъынчы кел+ген бол+маз (информант) «Он, *наверное*, ещё *не пришёл*».

Форма -(А)рЫкъ бол-, -лЫкъ бол. Перифрастическая форма с модальным предположительным значением («наверное, по всей вероятности»), характеризующая будущее или воображаемое действие:

Ол бизге кел+лик бол+маз (информант) «Он, *наверное*, к нам *не придёт*».

Бу ахча алагъа жет+ерик бол+ур (информант) «*Наверное*, им этих денег *хватит*».

Форма -ГьАнчА бол-. «Перифрастическая» форма с уподобительным значением («как будто»):

Бармагъы уа асыры ачыгъандан, кёзлеринден жилтинле чачыра+гъанча бол+ду (информант) «Он прищепил палец так, что из глаз как будто посыпались искры».

Суусантан тилим тартыл+гъанча бол+дум (информант) «От жажды у меня как будто язык отнялся».

Форма -(Ы)и бол-. Перифрастическая форма с *посттерминальным* видовым значением, представляющая действие как целостный факт, по отношению к которому говорящий мыслится как внешний наблюдатель:

«Итлени»-токълуланы, асламысында жангызлай къалгъан бай японлу тиширыула ал+ыи бол+гъандыла (газ. «Заман») «Собачек-барашков в основном покупали одинокие, богатые японки».

Форма -(Ы)учУ бол-. Перифрастическая форма с акционсартовой хабилизативной семьей, характеризующей действие как неоднократно и регулярно совершающееся:

Ол алай, баям, эртте-кеч болса да, быллай кюнню келлигин ангылап айт+ыучу бол+ур эди (ШХ, КТП, 192) «Наверное, она говаривала так, понимая, что рано или поздно такой день настанет».

Форма -А бол-. Имеет значение, по-видимому, содержащее видовые семы интра-терминальности (внутрипредельности) и *прегнантности*, т. е. субъективное представление действия во всей его полноте и внутри его начального и конечного пределов [9, s.100–101]:

Бар+а бол+гъанды да, бир уллу эмеген терекге келип тохтагъанды (КъКъ, ЖЖГ, 92) «Шёл он как-то раз, и дошёл до огромного дерева-великана».

Бир къарт къойчу бла бир жаш къойчу Гара-Ауузунда къышылыкъда Айдаболланы Адаболну къойларын кют+е бол+адыла (КъКъ, ЖЖГ, 77) «Как-то раз в зимнем стойбище Гара-Аууз старый пастух и молодой пастух насли скот Айдабола, из рода Айдабола».

*Алай сабийни суу узакъгъа алып бар+а бол+гъанды (МТ, 2004, № 2, с. 27) «Но течение уносило ребенка всё дальше и дальше» (действие представлено как *интра-терминальное и прегнантное*).*

Форма -мАз(чА) бол-. Перифрастическая форма с акционсартовым фазовым *цес-сативно-дуративным* (прекратительным) значением, сигнализирующим о прекращении постоянно совершавшегося или длительного действия:

Айтхан сёзлерине уялып, жукъ айталмады, бетиме къара+мазча бол+ду (ТА, ЖЗ, 212) «Ему стало стыдно за то, что он наговорил, он был не в состоянии что-либо еще сказать и (впоследствии) уже не мог смотреть мне в лицо».

«Аналитические» формы

Носителем сложных значений аналитических форм является единство глагольной основы и глагола-модификатора. Собственное служебное значение последнего восходит к исходному лексическому значению глагола, приспособленного для служебной функции, но представляет собой продукт преобразования, модификации в той или иной мере исходного значения. В одних случаях значение глагола-модификатора лишь незначительно отличается от исходного знаменательного лексического, в других — их родство легко просматривается, в ряде случаев служебное значение модификатора ничем не напоминает исходное лексическое значение.

Две сложновербальные формы *-А тур-* и *-(Ы)п тур-* образуются посредством сочетания названных деепричастий смыслового глагола с глаголом *тур-* (в самостоятельном употреблении имеет значение «стоять, вставать, находиться»): форма *-(Ы)п тур-*, как показывает фактический материал, способна совмещать в своём значении семы интрагерминального и прегнантного видов, т. е. выражать наибольшую полноту действия в точке его восприятия при полном игнорировании говорящим его начального и конечного пределов [9, с. 134, 136–137].

Форма *-А тур-*. Примеры с формой *-А тур-* имеют семантику дуративного способа действия, которая сигнализирует о длительном характере процесса, подчёркивая непрерывность его протекания в небольших временных рамках:

Ол эрин, къарындашын да урушха ашыр+а тур+гъанын унутханды (ШХ, КТП, 225) «Она забыла, что провожает на фронт и мужа, и брата».

Алай аны ахыр кере кёр+е тур+гъанымы уа билмей эдим (ШХ, КТП, 271) «Но я не знал, что вижу ее в последний раз».

Форма *-(Ы)п тур-*. Примеры с формой *-(Ы)п тур-* демонстрируют ту же семантику длительности:

Аланы алгъаракъдан окъуна телевизор бла кёргюзт+юп тур+гъандыла (информант) «Их еще раньше показывали по телевизору».

Жашчыкъгла бла къызчыкъгла иги кесек заманны тынгыл+ап тур+дула (информант) «Мальчики и девочки довольно долго молчали».

Формы *-май тур-*. Представляет собой грамматический антоним предыдущих форм:

Сафият а къарамын аны кёзлеринден айыр+ал+май тур+ду (БА, ЖККЪН, 13) «Сафият (долго) не могла отвести взгляд от его глаз».

Охо да, кир+мей тур+маз бери, сабыр айтып, ангылатып бир кёрюрге (БА, Къ, 19) «Ну да ладно, не может он долго не заходить сюда, придет, спокойно поговорю, попробую объяснить».

Форма *-ГъАнЛАй тур-*. Представляет собой грамматический синоним форм *-А тур-* и *-(Ы)п тур-*, вместе с тем выражает дополнительное грамматическое значение регулярности процесса:

Медицина ара ачар ниетин кёп жылланы ичинде айт+ханлай тур+гъанды (газ. «Заман») «Он многие годы говорил о своем намерении открыть медицинский центр».

Юч къарындаш да уруда жокку болуп, тиллери тутулуп, сёз айталмай, гуниуш бол+гъанлай тур+гъандыла (КъКъ, ЖЖГ, 88) «И три брата сидели в яме, скорчившись, онемев, не в состоянии пошевелиться».

Форма *-(А/Ы)п къой-*. Форма с акционсартовым значением неожиданности, внезапности. Дополнительным семантическим моментом является подчёркивание полноты проявления результата:

Башын-аягъын да букъдургъандыла: кёрюп, бил+ип къой+масынла деп (КъКъ, ЖЖГ, 79) «Спрятали голову и ножки (барана), чтобы (бандиты) вдруг не увидели и не узнали».

Жаш да, кеси кесине ажым эте, къарындашларым алай къалай эт+ип къой+дула деп, жюреги къыйналып, жангы дуняны кёргенинден эсе, анга сейир эте, бара болгъанды (КъКъ, ЖЖГ, 92) «И молодой человек шёл, переживая, как же братья с ним так поступили, удивляясь больше их поступку, чем новому миру, который он увидел».

Форма -(А/Ы)п кьал-. Данная форма имеет, по-видимому, два акционсартовых значения: 1) напоминает турецкую аналитическую форму -(у)А *kal-*, которую П. И. Кузнецов выразительно назвал формой «оцепенения», сигнализирующей о наступлении состояния скованности, неподвижности, как в примере: *Midiye de, öbür irili ufaklı midiyelerle birlikte kumların, çakılların arasına sıkışıp kal+mıştı* (АН, АДС, 39) «И эта мидия вместе с другими маленькими и большими мидиями застряла среди песка и гальки» (в этом значении рассматриваемая форма употреблена в первом примере, следующем ниже); 2) во втором и третьем примерах данная форма использована со значением полной завершенности действия:

Чабын баргъан адамгъа сейирсинип, кьар+ап кьал+ды (ТА, ЖЗ, 208) «В удивлении застыв, он смотрел вслед бегущему человеку».

Сен ашаргъа олтургъанлай, чыракъла ёчюл+юп кьал+лыкъларын кьайдан билейим (БА, Ч, 181) «Откуда я знала, что только ты сядешь есть, погаснет свет».

Жер юсюнде Дебет кибик ёсмегенди, / Кьалкъанларын кьылыч кесмегенди. / Кьылычлары, тауну урсанг, жаргъанды, / Атха налла алгъа Дебет салгъанды, / Андан халкъгъа тёре бол+уп кьал+гъанды (Эпос) «Не было на земле подобного Дебету, / Щиты его меч не брал. / Мечи его разрезали гору, / Первым коня подковал Дебет, / А потом это стало законом для всего народа».

Форма -МАй кьал-. Представляет собой грамматический антоним предыдущей формы и имеет то же акционсартовое фазовое значение:

Алай мен болмачы, аны билмей, ол кече жукъугъа хорлатып, сейирликни кёрал+май кьал+дым (КъКъ, ЖЖГ, 86) «Однако я, недотёпа, не зная этого, в ту ночь дал сну одолеть меня и не смог увидеть зрелища».

Форма -А башла-. Данная форма представляет собой типичный для кыпчакских языков носитель фазового начинательного значения, дополнительными семами являются интенсивность и стремительность. Глагол-модификатор *башла-* выступает со своим обычным лексическим значением «начинать». Аналитические конструкции с глаголом *башла-* «начинать» являются универсальным средством передачи начала любого процесса. В карачаево-балкарском языке имеются лексический и морфологический способы выражения начала действия, в данном случае используется морфологический:

Танг белге бер+е башла+ды (КъКъ, ЖЖГ, 104) «Стали появляться признаки приближения утра».

Айны ортасындан кюн бузулду да, жауун терк-терк жау+а башла+ды (информант) «С середины месяца испортилась погода, и всё чаще начал лить дождь».

Форма -(Ы)п башла-. Имеет акционсартовое наступательное фазовое значение, указывает на длительность проявления процесса во временных рамках:

Кюнбатыш табадан суукуъ жел ур+уп башла+ды (информант) «С запада задул холодный ветер».

Аппа иги кесекни тынгылагъанлай турду да, сора хапарны ашыкъмай айт+ып башла+ды (информант) «Дед долго молчал, затем начал неторопливо рассказывать».

Форма -А кел-. Подчеркивает постепенное развертывание действия:

Ингир таулагъа кёксюл жабыуун жай+а кел+еди (БА, Къ, 20) «Вечер наступает, постепенно покрывая своим голубым одеялом горы».

Тынч-ырахат, насыплы юйор кьурап, жаша+й кел+гендиле (БА, ЖККъН, 11) «До сих пор они преспокойно себе жили-поживали, строили счастливую семью».

Форма -(Ы)п кел-. Представляет собой семантический антоним предыдущей формы:

Бир кере уа, биз аны юйден чыгъ+ып кел+генлей тутуп, сёлеширге хазырландыкъ (ТА, ЖЗ, 208) «Однажды мы поймали его, когда он выходил из дома (прямо на нас), и приготовились к разговору».

Жашчыкъны, къатынынгы да ал+ып кел, не этеригинги айтырма, — деди (МТ, 2005, № 1, с. 39) «Она сказала: “Приведи (ко мне) мальчишку и жену. Я тебе скажу, что делать”» (будущее действие).

Форма -А/-й кет-. Редко встречающаяся форма -А/-й кет- имеет акционсартовое значение, которое сигнализирует о длительности, повторяемости, регулярности действия, называемого основным глаголом. К. Шёниг характеризует семантику аналогичной формы в татарском языке как инициально-трансформативную [14, s. 229–230].

Къара+й кет+сенг, той болур, / Къала+й кет+сенг, юй болур (поговорка) «Будешь долго любоваться (девушкой) — будет свадьба, / Будешь класть кирпичик по кирпичику — будет дом».

Форма -(Ы)п кет-. Форма имеет значение, характеризующее исходное действие как удаление, совершающееся тем или иным образом [15, с. 160].

Къызыл-моргулдум чапыракъ, учуп келип, аны чачына къонду, сора биягъы желчик аны ал+ып кет+ди (БА, Къ, 21) «Красно-коричневый лист опустился на волосы, затем его снова унес ветерок».

Экинчи кюн экинчи къарындашларын къошда къойуп, танг бла бирге чыгъ+ып кет-гендиле (КъКъ, ЖЖГ, 87) «На второй день, оставив второго брата на стойбище, они рано утром вместе отправились в путь».

Форма -(Ы)п жибер-. Эта форма выражает случайный, произвольный характер действия, называемого исходной основой глагола, его внезапность, стремительность. Эти смыслы, как представляется, обслуживаются одним акциональным качественным значением — динамичности действия [3, с. 139].

Гор-да-а! — деп къычыр+ып жибер+дим. Жомакъчы мени ешиталмазын да биле тургъанымлай (КъКъ, ЖЖГ, 48) «И вдруг я закричал “Гор-да-а!”, понимая, что сказочник меня не услышит».

Форма -(Ы)п тохта-. Данная форма имеет значение, сигнализирующее о бесповоротной завершенности действия:

Къойла кёрюн+мей тохта+дыла да, биз бёрк атыуну къойдукъ (КъКъ, ЖЖГ, 14) «Бараны скрылись из виду, и мы перестали бросать шапки».

Устойчивый характер и частое употребление этой формы с отличным от сформулированного выше значением позволяет полагать, что она способна подвергаться процессу идиоматизации:

Не бек туюноп кюреисенгда, ат таргъа кирирге унамаз. Серил+ип, терил+ип тохта+р (КъКъ, ЖЖГ, 17) «Как бы ты ни стегал коня, он не войдет в ущелье. Упрется и будет стоять как вкопанный».

Жиля+п тохта+йды (информант) «Чуть что, начинает плакать».

Форма -(Ы)п къайт-. Значение этой формы сообщает о полной завершенности действия:

Далхат жаш заманында австри фронтда жаралы болгъан, тюремелени да санагъан, ызы бла уа Россейни къыдыр+ып къайт+хан киши, терен акъыллы болгъанына бир инсанни ишеги жокъду (информант) «Далхат был человеком, который в молодости был

ранен на Австрийском фронте, побывал во многих тюрьмах, после чего *обошел* всю Россию и *вернулся*. И ни у кого нет сомнения в том, что он очень умный человек.

Форма -(Ы)п кьой-. Имеет значение, сигнализирующее о полной исчерпанности процесса:

Алай ол мени нек эсе да унуту+п кьой+гъанды (БА, Къ, 20) «Но она меня почему-то *совсем забыла*».

Аны заманында эсле+п кьой+гъанын нечик иги этген эди ол (БА, ЖККЪН, 9) «Как хорошо она сделала, что вовремя *заметила* его».

Форма -(Ы)п боша-. Значение этой формы свидетельствует о доведении процесса до конца:

Гебенле къалан+ып боша+ргъа, ууакъ жауунчукъ себелеп тебиреди (информант) «*К тому моменту, когда закончилась укладка сена в стога, начал накрапывать мелкий дождь*».

Угъай, сагъыш эт+ип боша+гъанма, бармай, жарарыкъ тьююлдю (КъКъ, ЖЖГ, 21). «Нет, я *подумал и пришел к выводу*, что не пойти нельзя».

Форма -А бар-. Значение формы -А бар- сигнализирует о постепенном развитии действия, о его неторопливом протекании, подчёркивая непрерывность осуществляемого действия:

Таб+а бар+гъан, чаб+а бар+ыр (поговорка) «Чем богаче становится человек [букв.: *чем больше находит*], тем больше становится его желание получить еще [букв.: *тем сильнее стремится* к чему-то другому]».

Къойла сыртны тигеле+й бар+адыла (информант) «Овцы *медленно спускаются* по склону».

Форма -(Ы)п бар- I. Значение этой формы указывает на приближение конечного этапа в развитии действия [16, с. 75]:

Кётюрюп элт+ип бар+ып, дорбунну арт жанында бир терен уругъа атханды да, къайтып, къазанда этни къалдырмай сибирип алып, сакъалыда ызындан скойреле, хораз атына мингенди да кетгенди (КъКъ, ЖЖГ, 86) «Подняв и *перенеся* (человека), он (гном) бросил его в глубокую яму, которая находилась в задней части пещеры, вернулся, выбрал все мясо из котла, сел на своего петуха, который служил ему конем, и ускакал».

Чаб+ып бар+ып, къарт анасын къучакълагъанд (информант) «Он *подбежал* и обнял свою бабушку».

Форма -(Ы)п бар- II. Данная форма сигнализирует о продолжительно-длительном характере действия [17, с. 112–113]:

Бир улуу талгъыр жилинныда терекге ёрд+еп бар+гъанын кёрюп: «Аллах-Аллах» — деп, *сейирге-тамашагъа къалгъанды* (КъКъ, ЖЖГ, 92) «Увидев, *как* большая пятнистая змея *ползет* на дерево, он изумился и проговорил: “Аллах, Аллах!”».

Аны ёмюрю театрда ёт+юп бар+ады (газ. «Заман») «Вся его жизнь *проходит* в театре».

Форма -ГъАнлай бар-. Имеет смысл безостановочного движения:

Агъачны къыйырына дери биз чап+ханлай бар+дыкъ (КъКъ, ЖЖГ) «*Мы пробежали* до самой опушки леса».

Къошха жетгинчи Горда да, мен да тынгыла+гъанлай бар+дыкъ (КъКъ, ЖЖГ) «*Мы с Гордой шли молча* до самого пастбища».

Форма -А бер-. Эта форма подчёркивает лёгкость, непринужденность совершения действия:

Къой, жолунга бар+а бер, ёлтюралмай жаралы этсенг, хатагъа къалырса (информант) «Оставь, иди себе своей дорогой, если не сможешь убить и поранишь, навлечешь на себя беду».

Кел+е бер+син, сакъларгъа заман жокъ, къатынланы хапарлары аны бла бошалмаз (информант) «Пусть приходит, нет времени ждать, женские разговоры этим не закончатся».

Форма -(А/Ы)п кёр-. Форма имеет значение, содержащее сему, которая обозначает попытку, усилие, прилагаемое для совершения действия [18, с. 270; 11, с. 124]:

Кюз арты да кетди, къыш келди, энди къар терен жауса, чанада уч+уп кёр (газ. «Заман») «И осень прошла, пришла зима, теперь, если выпадет глубокий снег, попробуй прокатиться на санках».

Кётюр+юп кёр+чю, сен суннганча ауур туююлдю (газ. «Заман») «Попробуй, подними, (он) не такой тяжёлый, как ты думаешь».

Форма -(Ы)п жет-. Выражает быстроту, стремительность совершения действия, представляющего собой перемещение в пространстве:

Къуш туюню чыгъарып къабындыргъанды да, къуш уч+уп жет+генди (КъКъ, ЖЖГ, 96) «Как только он достал птичье перо и поджёг, птица мигом прилетела».

Ханны тамата жашларыны къатынлары уа, бу жыш келинчикни ариулугъуна асыры зарланнгандан, чамланып, къанлары бузулуп, кичи жашны да къайын аталарын да къаргъышдан соя, эрлерине чаб+ып жет+гендиле (КъКъ, ЖЖГ, 35) «А жёны старших сыновей хана, завидуя красоте этой молодой невестки, в ярости и в гневе мигом примчались к мужьям, проклиная и свёкра, и (его) младшего сына».

Форма -(Ы)п чыкъ-. Форма характеризует действие как длящееся в течение какого-либо периода и достигающее своего предела. Лексические значения вспомогательных глаголов не играют существенной роли:

Собий таннга дери жил+яп чыкъ+ты (информант) «Ребёнок проплакал до утра».

Бу китапны окъ+уп чыкъ (информант) «Прочитай эту книгу (до конца)».

Форма -МАй чыкъ-. Форма -МАй чыкъ- представляет собой грамматический антоним предыдущей формы и имеет то же акционсартовое фазовое значение:

Кече узуну кёзюме жукъу кир+мей чыкътым (информант) «Я всю ночь не смыкала глаз».

Из проведенного анализа следует вывод о том, что, в отличие от огузских языков, кыпчакский карачаево-балкарский язык обладает более обширным арсеналом аспектуальных глагольных форм. При этом в нем имеются как акционсартовые (несущие информацию о «способах действия»), так и собственно видовые формы, по крайней мере, с внутрипредельным (интратерминальным), прегнантным и посттерминальным значениями.

Ряд фактов (употребление смысловых глаголов в статусных и залоговых формах, сохранение сложновербальными образованиями управления смыслового глагола) позволяет утверждать, что, вопреки индоевропейстическому представлению о словообразовательном характере акционсартовых языковых средств, не может быть сомнений в словоизменительной природе продуктивных акционсартовых форм в исследуемом языке.

Принятые сокращения

- AN, ADS — Aziz Nesin. Anıtı Dikilen Sinek. 4. basım. İstanbul: Adam Yayınları, 2005.
БА, ЖККЪН — Биттирляны Аминат. Жауун кечеде кьалгъан насып. Нальчик: Эльбрус, 1993.
БА, Къ — Биттирляны Аминат. Къаражан. Нальчик: Эльбрус, 1993.
БА, Ч — Биттирляны Аминат. Чыракъ. Нальчик: Эльбрус, 1993.
Газ. «Заман» — Газета «Заман». 2007. 30 мая.
КЪКЪ, ЖЖГ — Кули Къайсын. Жорт, жорт, гылууум! Нальчик: Эльбрус, 2002.
МТ — «Минги Тау». № 2. Нальчик: Эльбрус, 2004; «Минги Тау». № 1. Нальчик: Эльбрус, 2005.
ТА, ЖЗ — Тёпеланы Алим. Жин Заран. Нальчик: Эльбрус, 1996.
ШХ, КТП — Шауаланы Хасан. Кюбюрде Табылгъан Повесть. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А. Б. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плугнян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
2. Гузев В. Г. О категории аспектуальности (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 3–11.
3. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Издательство ЛГУ, 1990. 168 с.
4. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
5. Ганиев Ф. А. Видо-временная система в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1969.
6. Серебrenников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 300 с.
7. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / вступ. ст. проф. С. И. Бернштейна. 6-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 451 с.
8. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspects and related problems. Cambridge, 1976.
9. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 344 S.
10. Кузнецов П. И. Аспект и акционал в турецком языке // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 68–81.
11. Насилов Д. М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках: в связи с проблемой глагольного вида // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. С. 88–177.
12. Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол: видовременные и залоговые категории. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. 207 с.
13. Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений алтайских языков // Проблема общности в алтайских языках. Л., 1971. С. 366–376.
14. Schönig C. L. Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden, 1984. 327 S.
15. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. 208 с.
16. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 276 с.
17. Бондарко А. В. Длительность // Теория функциональной грамматики: введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 98–124.
18. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 447 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.